

РОССИЙСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1917 ГОДА В ИСТОРИЧЕСКИХ СУДЬБАХ НАРОДОВ

УДК 94(470+571)"1917": 330. 342.41

С. Б. Жихарев

Гомель, УО «Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины»

СТРАТЕГИЯ ДОГОНЯЮЩЕГО РАЗВИТИЯ (ЭКОНОМИКА РОССИИ НАКАНУНЕ РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА)

Ослабление позиций России в военно-политической сфере и на международной арене после проигранной Крымской войны (1853–1856 гг.), ставшее следствием ее прогрессирующего отставания от наиболее развитых стран Западной Европы, требовало от политической элиты выработки стратегии дальнейшего развития страны. В статье анализируется взятый Россией за основу догоняющий тип экономического развития. Автор отмечает, что, несмотря на обозначившиеся к 1913 г. позитивные сдвиги, отставание России от стран-лидеров не было устранено. В конечном счете, именно такая стратегия привела к революционной катастрофе 1917 г. и смене общественного строя.

К середине XIX века в экономическом развитии Российской империи стали нарастать признаки прогрессирующего отставания от наиболее развитых стран Западной Европы. Наглядным проявлением несоответствия имперских амбиций правящей элиты реальному уровню промышленного, а значит и военно-технического потенциала страны, вследствие тормозящего влияния на экономику как внутренних, так и внешних факторов, замедлявших ее развитие, стало поражение России в Крымской войне от коалиции раннеиндустриальных держав (Англия и Франция). Ослабление позиций России в военно-политической сфере и на международной арене (после Парижского мира страна выбыла из числа великих держав и вполне могла стать объектом экспансии более развитых стран), а также острая необходимость решения уже назревших проблем, требовали от властной элиты выработки стратегии дальнейшего развития страны. Таким образом,

военно-политическая уязвимость страны и вполне реальная угроза потери суверенитета создали очередной, уже второй по счету в российской истории, начиная с первой четверти XVIII века (эпоха петровских преобразований), прецедент догоняющего развития, направленного на сокращение накопившегося отставания с ушедшими вперед раннеиндустриальными странами.

В реальности такой тип развития основывается на выполнении правительством целой системы взаимосвязанных мер, включающих в себя, как отмечает российский исследователь В. Т. Рязанов, «<...> повторение ранних этапов, пройденных странами-лидерами, но с более короткими сроками за счет форсирования роста. Кроме того, он опирается на заимствование готовых и отработанных технологий, форм хозяйствования, экономических институтов, когда предпочтение отдается всеобщему и универсальному в хозяйственном развитии» [1, с. 366]. При практическом применении программы догоняющего развития «основная надежда связана с тем, что накопленный международный опыт хозяйствования, возможность получения содействия и помощи со стороны наиболее богатых стран, привлечение иностранных инвестиций – все это явится достаточным для проведения крупных системных изменений в народном хозяйстве, для адаптации к мировому рынку и в конечном итоге приведет к ускорению развития экономики» [1, с. 367].

К началу Первой мировой войны политика правительства по модернизации экономики вывела Россию на пятое место в мире по объему промышленного производства и на второе место после Соединенных Штатов Америки по годовым темпам роста промышленной продукции на душу населения. При этом главная особенность экономического курса была связана с государственным вмешательством в хозяйственную жизнь страны. По поводу прямого государственного вмешательства в воспроизводственный процесс С. Ю. Витте еще в бытность, в должности министра финансов отмечал: «Мероприятия, предпринимаемые правительством в целях воздействия на развитие отечественной промышленности и торговли, имеют в настоящее время для России гораздо более глубокое и широкое значение, нежели когда-либо ранее... Благодаря такому преобразованию основных экономических интересов страны каждое более или менее крупное мероприятие правительства влияет на жизнь всего народно-хозяйственного организма. Покровительство, оказанное отдельной отрасли промышленности, новая железная дорога, изыскание новой почвы для применения народного труда – все подобные хотя бы и частичные или местные меры затрагивают, тем не менее весь строй

сложившихся отношений, колеблют установившееся равновесие. Каждая правительственная мера в области торгово-промышленной политики воспринимается ныне почти всем экономическим организмом, и она влияет на ход его дальнейшего развития» [2, с. 158].

С 1870-х годов по 1913 год включительно Россия демонстрировала самую высокую в Европе динамику увеличения промышленного производства (в среднем 5 % в год). По этому показателю Россия опережала не только раннеиндустриальные страны, но даже Германию и Австро-Венгрию, взявшие на вооружение, как и Россия, стратегию догоняющего развития [3, с. 54].

За этот период в стране возникло много новых предприятий в сфере промышленности, транспорта, в финансовой сфере (сеть банков), развивалось предпринимательство, создавались акционерные общества. Осуществлялся курс на развитие передовых промышленных отраслей, ускоренный рост перерабатывающей промышленности. Добыча нефти в России с 1894 по 1914 г. увеличилась на 65 %, производство чугуна – на 50 %, железа и стали – на 224 % [4, с. 27]. Происходило внедрение новых технологий с содействием капитала таких иностранных фирм, как «Эрикссон», «Сименс и Гальске», «Вестингауз». В целом доля иностранного капитала в российской экономике достигала 36 %.

В Западной Европе под влиянием успехов России, заговорили о «русском чуде». Французский экономист Эдмон Тери в книге «Россия в 1914 году» писал: «...ни один из европейских народов не достигал подобных результатов... К середине настоящего столетия Россия будет доминировать в Европе как в политическом, так и в экономическом и финансовых отношениях» [5, с. 43]. Накануне Первой мировой войны Россия представляла собой крупномасштабный, внешне успешный образец государственного капитализма. Своим размахом он впечатлял союзников России по Антанте и тревожил германцев. С нескрываемыми опасениями по поводу быстрого роста русской экономической мощи в 1913 году имперский канцлер Бетман-Гольвег заметил: «будущее принадлежит России...» [6, с. 24]. Стороннему наблюдателю могло показаться, что перед российской экономикой, находившейся на подъеме, открывались блестящие перспективы.

С положительными прогнозами современников во многом совпадают и оценки некоторых зарубежных ученых, специально занимавшихся экономической историей пореформенной России в сопоставлении с хозяйственной динамикой целого ряда других стран. Так, по мнению американского экономиста П. Грегори «темпы роста царской экономики были относительно высоки с точки зрения мировых стандартов конца XIX – начала XX вв. Россия принадлежала к группе

стран с наиболее развивающейся экономикой, как США, Япония и Швеция» [7, с. 64].

Однако оптимистичные прогнозы оказались преждевременными. И здесь напрашивается известный афоризм Станислава Ежи Ленца о том, что «в действительности все не так, как на самом деле». И действительно, несмотря на успехи догоняющей модернизации в России в начале XX в. проблема технико-экономического отставания страны от основных европейских держав не была решена. Так, в 1913 г. российская промышленность давала только 20 % национального дохода страны. Для сравнения отметим, что только в Румынии и Болгарии этот показатель был равен 15 %. В отличие от России в Великобритании и Германии на долю промышленности приходилось в 1910–1913 гг. соответственно 43 и 44,7 % национального дохода.

Страна продолжала оставаться в подавляющей части сельской, аграрной, крестьянской. Преобладали поселения, относимые официально или по административному статусу к городам, а по своей экономической структуре принадлежавшие к полусельским населенным пунктам. К 1914 г. только 14,6 % населения Российской империи составляли горожане. Но даже в больших и средних индустриальных центрах (насчитывалось максимум два десятка) свыше половины жителей – это вчерашние крестьяне родом из деревни, сохранявшие с ней прочные социально-экономические и иные связи.

В структуре занятости населения преобладали виды деятельности в сфере сельского и лесного хозяйства. Лишь 22 % населения были заняты вне аграрного сектора. В развитых странах Западной Европы в начале XX в. доля занятых вне сельского хозяйства превышала половину всего самодостаточного населения (например, в Великобритании – 90 %).

Что же касается доходов на душу населения, то по этому показателю Россия отставала от стран Западной Европы в 2,5–4 раза, находясь на уровне балканских стран и Румынии и немного превосходя такие окраины Австро-Венгрии, как Галиция и Буковина.

Доля России в мировом промышленном производстве в 1913 г. была более чем скромной и достигала лишь 5,3 %. В 1912 г. национальный доход на душу населения в России составлял 110 рублей золотом. Однако от Германии она отставала почти в три раза, от Англии в 4,5 раза, от США – почти всемерно. Еще заметнее выглядит разрыв между Россией и ведущими экономическими странами по такому показателю как ВВП на душу населения. Так, если в 1880 году в России он составлял 224 доллара США, в 1913 году ВВП вырос до 345 долларов, то в Англии данный показатель в 1880 г. 680 долларов, к 1913 году – 1 070 долларов; во Франции соответственно 464 и 670 долларов,

а в США в 1913 году ВВП на душу населения достиг 1350 долларов [1, с. 368].

Таким образом, стратегия догоняющего развития не смогла разрешить свою ведущую экономическую задачу – устранить отставание России от стран-лидеров. При этом реализация данной модели не только сопровождалась откатами, рецидивами консерватизма, но и во многом провоцировала социальную напряженность и политические потрясения, а также военные поражения (в Русско-японской и Первой мировой войнах). В конечном счете, именно она привела к революционной катастрофе 1917 г. и смене общественного строя.

Список использованных источников и литературы

1. Рязанов, В. Т. Экономическое развитие России. Реформы и российское хозяйство в XIX–XX вв. / В. Т. Рязанов. – СПб.: Наука, 1998. – 796 с.
2. Волков, В. В. Межформационная модернизация экономического строя России в XIX – начале XX века / В. В. Волков. – Тверь: Тверской гос. ун-т, 2004. – 184 с.
3. Красильщиков, В. А. Вдогонку за прошедшим веком: Развитие России в XX веке с точки зрения мировых модернизаций / В. А. Красильщиков. – М.: «РОССПЭН», 1998. – 264 с.
4. Сенявский, А. С. Индустриальная модернизация в России: теоретические проблемы / А. С. Сенявский // Модернизационные парадигмы в экономической истории России: материалы Всерос. науч. конф., г. Саранск, 20–21 июня 2007 г. / МГУ им. Н. П. Огарева; отв. ред. проф. Н. М. Арсентьев. – Саранск: Изд. центр историко-социол. ин-та МГУ им. Н. П. Огарева, 2007. – 616 с.
5. Братченко, Т. М. От протоиндустриализации к раннеиндустриальной модернизации дореволюционной России / Т. М. Братченко, А. С. Сенявский // Модернизационные парадигмы в экономической истории России: материалы Всерос. науч. конф., г. Саранск, 20–21 июня 2007 г. / МГУ им. Н. П. Огарева; отв. ред. проф. Н. М. Арсентьев. – Саранск: Изд. центр историко-социол. ин-та МГУ им. Н. П. Огарева, 2007. – 616 с.
6. Джонсон, Пол Современность. Мир с Двадцатых по Девяностые годы / Пол Джонсон. – М.: Издательство «Анубис», ТОО «ВИЛАД», 1995. – Ч. 1. – 527 с.
7. Грегори, П. Экономический рост Российской империи (конец XIX – начало XX в.): новые подсчеты и оценки / П. Грегори. – М.: «РОССПЭН», 2003. – 256 с.